

ШРИ АУРОБИНДО

*Откровения
древней мудрости*

ВЕДЫ, УПАНИШАДЫ, БХАГАВАДГИТА

Шри Ауробиндо

**Шри Аурбиндо. Откровения
древней мудрости. Веды,
Упанишады, Бхагавадгита**

«Адити»

2009

Ауробиндо Ш.

Шри Аурбиндо. Откровения древней мудрости. Веды, Упанишады, Бхагавадгита / Ш. Ауробиндо — «Адити», 2009

Этот сборник уникален по своему содержанию. В нем представлены материалы, позволяющие получить глубокое и ясное представление обо всех трех главных священных Писаниях Индии – Ведах, Упанишадах, Бхагавадгите. Собранные здесь статьи, переводы, комментарии принадлежат Шри Ауробиндо – великому мудрецу, провидцу, йогину. Его труды, посвященные древним писаниям, раскрывают подлинное величие этих Откровений высшей Мудрости, Света и Истины и зовут нас ступить на проторенный древними провидцами путь, обрести скрытую в нас истину и, опираясь на великие завоевания прошлого, устремиться к созиданию нового светлого мира, мира Гармонии и Совершенства.

© Ауробиндо Ш., 2009

© Адити, 2009

Содержание

Предисловие	5
Биографическая справка	7
Введение	9
I	13
Предисловие	13
Проблема и ее решение	25
Основы психологической теории	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шри Ауробиндо

Откровения Древней Мудрости: Веды, Упанишады, Бхагаватгита

Предисловие

Этот сборник уникален по своему содержанию. В нем представлены материалы, позволяющие получить глубокое и ясное представление обо всех трех главных священных Писаниях Индии – Ведах, Упанишадах, Бхагавадгите. Собранные здесь статьи, переводы, комментарии принадлежат Шри Ауробиндо – великому мудрецу, провидцу, йоги, одному из тех величайших подвижников духа, чей свет озаряет путь человечества из мрака неведения к сияющим высотам Мудрости и Истины. В Индии его называют «последним риши», подчеркивая тем самым, что он воплотил в себе мистическое Знание, постигнутое провидцами древности, риши, и запечатленное ими во вдохновенных стихах-мантрах древних Писаний. Используя это Знание для духовного преобразования земной Природы, он стал связующим звеном между прекрасной Зарей далекого прошлого и блистательным грядущим Днем.

Уже в 1912 году, на раннем этапе своей Йоги, Шри Ауробиндо писал в одном из личных писем о том, что ему было открыто знание своей особой духовной миссии: «Мне дана определенная духовно-философская миссия: заново объяснить Веду и Веданту (Упанишады) в их древнем изначальном смысле, который мне удалось восстановить посредством подлинного внутреннего опыта, пережитого в ходе практики Йоги, и популяризовать новую систему Йоги (новую как по своему методу, так и по своей цели), которая была мне открыта. ... Мне также предстоит распространить определенные идеи о Боге и жизни посредством литературной работы, выступлений и практической деятельности, а также осуществить определенные социальные изменения...»¹ Примерно через год он пишет: «Теперь я имею более ясное представление о своей будущей работе[, которая в целом сводится к следующему:] ...

1. Заново разъяснить человеческому интеллекту Санатана Дхарму (Вечную Религию – прим. ред.) во всех ее аспектах – с новой точки зрения. Эта работа уже начинается, и сейчас отчетливо выявляются три ее составляющие. Шри Кришна открыл мне истинный смысл Вед, мало того – он показал мне новую филологию, продемонстрировав процесс и истоки человеческой речи. Это знание позволяет создать новую Нирукту (этимологию – прим. ред.) и дать на ее основе новую интерпретацию Веды. Он также открыл мне подлинный смысл всего того в Упанишадах, что не поняли ни индийцы, ни европейцы. Поэтому мне предстоит заново объяснить всю Веданту и Веду таким образом, чтобы можно было увидеть, как все религии происходят из нее, на деле всегда и во всем оставаясь едиными. Тем самым будет доказано, что Индия является центром религиозной жизни мира и ее предназначение – спасение мира через Санатана Дхарму.

2. На основе ведического знания основать Йогу, которая не только освободит душу, но и подготовит совершенное человечество и поможет в восстановлении Сатья-юги (Золотого Века – прим. ред.). Эта работа должна начаться сейчас, но она не будет полностью завершена, пока не закончится эпоха Кали...»²

В дальнейшем в своих работах Шри Ауробиндо осуществил эту миссию. Его труды, посвященные древним Писаниям Индии, – «Тайна Веды», «Гимны Мистическому Огню»,

---

¹ Шри Ауробиндо. Юбилейное собрание сочинений (к 100-летию со дня рождения), т. 27, с. 424.

² Там же. с. 433—434.

«Упанишады», «Эссе о Гите», а также его главные произведения – «Жизнь Божественная», «Синтез Йоги», «Савитри», множество статей, заметок, комментариев раскрывают подлинное величие этих древних откровений высшей Мудрости.

Неудивительно поэтому, что работы Шри Ауробиндо, посвященные древним индийским Писаниям, вызывают особый интерес как в Индии, так и за ее пределами. Слова великого Мастера Йоги воскрешают для нас сокровенный мистический смысл древних Писаний, утраченный в череде веков, раскрывают запечатленный в них бессмертный Свет, постигнутый древними провидцами, и зовут нас ступить на проторенный ими путь, обрести скрытую в нас истину и, опираясь на великие завоевания прошлого, устремиться к созиданию нового мира, мира Гармонии и Совершенства.

Биографическая справка

Шри Ауробиндо – выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин – родился в Калькутте 15 августа 1872 года в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии – сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил незаурядные способности в овладении латынью и греческим, а также в стихосложении.

В 1893 году в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 году переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные Писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 году решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 году Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей универсальной природы, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

В 1910 году, повинувшись внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле божественной жизни. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

С 1914 по 1921 год он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, достигнутого им в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний – Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 года. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых философские труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо – утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребы-

вающего в Природе в результате предшествующей инволюции; поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек – лишь переходное ментальное существо, чье призвание – достичь более высокого, «супраментального» уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Все свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, Царства Божьего, предвещенного пророками всех веков и народов.

Введение

(из писем к ученикам)

В истории человечества были времена, когда, по крайней мере, в некоторых цивилизациях, стремление к духовному знанию было намного более сильным и распространенным, чем сейчас, а если быть точнее – чем это было в мире в целом в течение последних нескольких веков. В настоящее время все говорит о том, что начинается новый виток духовных поисков, который опирается на достижения прошлого и устремляется к более великому будущему. Но всегда, даже в Индии эпохи Вед или в Древнем Египте, духовные достижения или оккультное знание были достоянием ограниченного круга людей и не получали широкого распространения. Человечество в целом развивается медленно, сохраняя в себе элементы всех стадий эволюции – от материального и витального человека до человека ментального. Лишь немногим удавалось преодолеть преграды этого мира и распахнуть двери оккультного и духовного знания, подготавливая эволюционное восхождение за пределы ментального человека к духовному и супраментальному существу. Иногда эти немногие пользовались огромным влиянием, как, например, в Индии времен Вед, в Древнем Египте или, согласно преданию, в Атлантиде, и определяли культуру того или иного народа, накладывая на нее глубокий отпечаток духовного и оккультного знания. Иногда они держались в удалении от мира, закрываясь внутри своих тайных школ и орденов, и не оказывали непосредственного влияния на жизнь общества, которое погружалось в невежество, хаос и темноту материального существования или ограничивалось холодным внешним просвещением, отрицающим духовное знание.

Движение эволюции всегда направлено вверх, но это движение по спирали, а не по прямой линии. Поэтому эволюционный процесс напоминает последовательность циклов с периодическим чередованием подъемов и спадов, однако все наиболее важные достижения с точки зрения эволюции сохраняются и, даже если исчезают на какое-то время из виду, затем проявляются в новых формах, соответствующих новым временам. В процессе творения, в результате последовательного нисхождения, сформировались все уровни бытия, начиная от Сверхразума и заканчивая Материей, и на каждом из них был создан мир, царство или план, имеющий свой собственный порядок и принцип существования. При создании материального мира произошло погружение нисходящего Сознания в глубины кажущегося Бессознательного, а затем началось его постепенное, ступень за ступенью, восхождение из этого Бессознательного, которое будет продолжаться до тех пор, пока оно вновь не обретет свои высочайшие духовные и супраментальные вершины и не раскроет свои силы здесь, в Материи. Но даже в Бессознательном присутствует скрытое Сознание, которое действует через присущую ему Интуицию. На каждом этапе становления Материи, на каждом этапе развития Жизни Интуиция, действующая скрыто, вырабатывает методы, соответствующие данной стадии эволюции, поддерживая и осуществляя ближайшие цели созидательной Силы. Существует Интуиция в Материи, поддерживающая движение всего материального мира, начиная от электрона и кончая планетами и звездами. Интуиция присутствует и в Жизни, поддерживая и направляя развитие живых форм в Материи, пока она не будет готова к эволюции, проводником которой является человек. В человеке, в свою очередь, процесс творения продолжает путь восхождения, и чем более высокой ступени развития достигает человек, тем более в нем развита внутренняя Интуиция. Даже точный интеллект ученого, склонный отрицать независимое существование Интуиции или ее превосходство над разумом, не сможет сделать и шага вперед в своих исследованиях не опираясь на ментальную Интуицию, которая позволяет ему избрать верное направление или преду-

гадать правильное действие. Таким образом, Интуиция присутствует и в начале творения, и в процессе его развития, и в его завершении.

Однако Интуицию в ее чистом виде мы постигаем только тогда, когда покидаем пределы разума и поднимаемся в духовные сферы, ибо только там она может полностью раскрыться и проявить свою истинную природу. Наряду с процессом ментальной эволюции человека вскоре начался процесс иной эволюции, ведущей к появлению духовного и супраментального существа. Этот эволюционный процесс развивался в двух направлениях: первое заключалось в открытии невидимых оккультных сил, существующих в Природе, а также планов и миров, скрытых от нас миром Материи; второе – в открытии человеческой души и духовного «я». Если верить преданию об Атлантиде, то речь идет о цивилизации, которая достигла вершины на пути развития оккультного знания, но не смогла пойти дальше. Индийская цивилизация эпохи Вед, судя по источникам, следовала по второму пути – пути духовного самопознания; оккультное знание присутствовало и здесь, но оно всегда оставалось второстепенным. Можно сказать, что сначала в Индию пришло царство Интуиции, интеллектуальный Разум в виде философии и науки получил развитие позднее. И все же подавляющее большинство людей в те времена жили исключительно земными заботами, поклоняясь божествам материальной Природы, от которых стремились добиться только материальных благ. Благодаря своим духовным усилиям ведические мистики смогли проникнуть по ту сторону видимого мира и открыть существование иной реальности, воспринимаемой с помощью внутреннего видения, слышания и осязания, но это знание было доступно очень ограниченному кругу провидцев и мудрецов и бережно сохранялось ими в тайне от остальных людей – мистика всегда настаивала на том, чтобы хранить свои знания в тайне. Есть все основания полагать, что этот расцвет Интуиции на духовном плане произошел благодаря стремительному возрождению наиболее важных духовных достижений, унаследованных от предыдущего цикла. Если мы проанализируем духовную историю Индии, то обнаружим, что это была своего рода вершина, по достижении которой началось движение вниз, смысл которого заключался в том, чтобы овладеть более низкими уровнями уже эволюционировавшего сознания и соединить их с духовными высотами. Так, эпоху Вед сменил период мощного взрыва в развитии интеллекта и философии, которые хотя и брали за основу духовную истину, но пытались постичь ее по-новому, опираясь не на Интуицию или оккультный опыт, как ведические риши, а на способность разума к абстрактному и логическому мышлению и построению умозаключений. Тогда же были разработаны методы йоги, которые использовали мыслящий разум в качестве основного средства достижения духовной реализации и тем самым вели к его одухотворению. Затем последовала эпоха философских учений и йогических практик, которые использовали в качестве средства духовной реализации эмоциональное и эстетическое существо и способствовали одухотворению эмоционального уровня в человеке, действуя через сердце и чувства. Это сопровождалось развитием тантрических и некоторых других практик, избравших в качестве средств действия ментальную волю, жизненную волю и волю чувств, одухотворяя таким образом ментальное и витальное сознание. В Хатха-йоге и других попытках божественного преображения тела можно увидеть то же самое стремление, но на этот раз в отношении живой Материи; однако здесь еще предстоит открыть истинный метод и силу Духа в теле, способную это осуществить. Поэтому мы можем сказать, что универсальное Сознание после нисхождения в Материю осуществляло эволюцию в двух направлениях, одно из которых заключалось в восхождении и открытии высшего «Я» и Духа, а другое – в нисхождении через уже развитые уровни разума, жизни и тела для низведения в них духовного сознания и осуществления, таким образом, тайной цели творения материальной вселенной. Суть нашей йоги³ как раз и заключается в обобщении и наиболее полном выражении данного

³ Имеется в виду Интегральная йога Шри Ауробиндо. *Прим. пер.*

процесса, то есть в попытке подняться на высочайший из возможных – супраментальный – уровень сознания и низвести в разум, жизнь и тело его сознание и силу.

Состояние современной цивилизации (материалистической по своей сути с ее обращенными вовне умом и жизненной активностью), которое производит на вас столь удручающее впечатление, это только эпизод, но эпизод, который, по-видимому, был неизбежен. Ведь если необходимо достичь одухотворения всей человеческой природы и ощутить реальное присутствие Духа даже в физическом сознании и материальном теле, то, вероятно, должен был наступить период, когда Материя и физическая жизнь становятся главным объектом внимания и все усилия интеллекта направлены на открытие истины материального существования. С одной стороны, эта эпоха, давая всему, даже уму, материальное объяснение, породила почти непреодолимые трудности для духовного искателя, о которых вы говорите, но с другой – придала жизни в Материи ту значимость, в которой ей практически полностью отказывала духовность прошлого. Эта эпоха сделала одухотворение Материи необходимым условием духовного поиска, способствуя тем самым нисхождению эволюционирующего духовного сознания в земную Природу. Но не следует ожидать от этого периода большего, так как реально его усилия были направлены скорее на подавление и почти полное уничтожение духовности в человеке. Выход из создавшейся ситуации возможен только при условии, что противостояние противоположных сил будет использовано в божественных целях и только благодаря вмешательству свыше.

* * *

Все этапы истории развития человечества можно рассматривать как постепенную подготовку земного сознания, и каждая фаза этой подготовки необходима и оправдана. Без сомнения, суждено было прийти и сегодняшней материалистическо-интеллектуальной стадии, имеющей свое предназначение и смысл. Вполне возможно, что одна из задач этой стадии была чисто экспериментальной – выяснить, в каком направлении и как далеко сможет продвинуться человеческое сознание, следуя по пути интеллектуального и внешнего господства над Природой, используя только физические и интеллектуальные средства, без участия более высокого сознания и знания. Не исключено также, что сопротивление, возникшее на данном этапе, могло побудить духовное сознание, растущее благодаря преодолению всех испытаний жизни, предпринять попытку овладеть Материей и обратить ее к Божественному. Нечто подобное пытались сделать последователи Тантры и вишнуиты с эмоциональной и низшей витальной природой, не ограничиваясь обращением к Высшему одного только разума, как это характерно для Веданты. Однако трудно ожидать от этого периода чего-то большего и предполагать, что материализм сам по себе есть нечто духовное или же что беспросветное состояние современной Европы, охваченной смутой и насилием, является необходимым условием для нисхождения Духа. Этот мрак и насилие, которые, похоже, намерены полностью уничтожить свет ментального идеализма и желание гармонии, утвердившиеся было в разуме человечества, связаны с нисхождением жестоких и темных витальных Сил, стремящихся завладеть человеческим миром в своих собственных и отнюдь не духовных целях. Действительно, вторжение асурических сил из темных витальных миров предсказывалось некоторыми оккультистами как одно из первых последствий нисхождения и давления божественной Силы на витальную область, но это рассматривалось как условие неизбежной битвы, а не как обстоятельство, способствующее божественной Победе. Беспощадное воздействие на Материю в попытке интеллекта покорить материальную Природу и использовать ее в своих целях может пробудить ее от пассивности и инертности, хотя это всегда делалось им ради достижения материальных благ, в раджасическом духе и при полном отрицании духовности в качестве внутренней основы. Его усилия могут привести и, судя по всему, уже приводят к хаосу и дезинтеграции, а попытки нового творения и объеди-

нения столкнутся, с одной стороны, с упорной неподатливостью материальной Природы, а с другой, с возрождением первобытного варварства и жестокости полуживотной витальной Природы. Как в этом случае действовать духовным силам, чтобы извлечь пользу из этого противоборства энергий материального космоса? Путь Духа это путь мира, света и гармонии, и если Дух должен сражаться, то лишь потому, что существуют силы, стремящиеся уничтожить духовный свет или не допустить его проявления. Благодаря духовному преобразованию инертность должна быть заменена божественным миром и тишиной, беспокойная раджасическая энергия – спокойной, мощной, чистой и свободной динамической силой, а ум должен стать восприимчивым к действию высшего Света и Знания. Как может деятельность, свойственная эпохе материализма, привести к такому преобразованию?

Материализм едва ли может быть духовным в своей основе, поскольку его главный способ действия прямо противоположен духовному. Духовный принцип заключается в том, чтобы действовать изнутри вовне, тогда как принцип материализма – действовать извне вовнутрь. Материализм рассматривает внутреннее как результат внешнего, главным образом феномена Материи, и действует, исходя из этого взгляда на мир. Он стремится «усовершенствовать» человечество внешними средствами, и одно из его главных усилий направлено на построение идеального социального механизма, принуждающего людей соответствовать общепринятым нормам. Идея духовности основывается на отказе от эго и единении с Божественным, здесь же она заменена принесением индивида в жертву милитаристскому и индустриальному Государству. Так где же во всем этом хоть какая-нибудь толика духовности? Только когда ум, витальное и физическое откроются глубинной душе, высшему «Я», Божественному, когда они подчинятся духовным силам и станут проводниками внутреннего Света, высшего Знания и Силы, может прийти истинная духовность. Но это слово часто утрачивает первоначальный смысл, когда его ошибочно используют для определения явлений ментального, эстетического и витального порядка, которые не имеют с духовностью ничего общего.

* * *

Все, о чем вы говорите, только подтверждает тот общепризнанный факт, что наш мир это мир медленной эволюции, в результате которой человек появился из животного (и еще не совсем вышел из этого состояния), свет появился из тьмы, развитое сознание – из вначале инертного и безжизненного, а затем мятущегося и борющегося бессознательного. Духовное сознание пока находится в процессе проявления, и только благодаря ему можно познать Божественное. Религии, полные смешанных, противоречивых и невежественных витально-ментальных представлений, способны воспринимать лишь проблески Божественного. Позитивистский ум, признающий только физическую реальность, который сомневается во всем, кроме того, что есть здесь и сейчас, и отказывается верить в возможность или неизбежность прихода чего-то другого, вообще не способен что-либо увидеть. Духовное сознание это новое сознание, которое должно быть развито и уже находится в процессе развития. Вполне естественно, что вначале и на протяжении довольно длительного периода времени лишь единицы смогут воспринять свет во всей его полноте, значительно большее число людей будут воспринимать его частично, но и это ничтожно малая часть по сравнению со всем человечеством. И все же то, что достигнуто одиночками, на определенной стадии эволюции может стать доступным для многих людей, и именно ради этого совершаются усилия, которые мы сейчас предпринимаем.

I Веды

Предисловие

В древние времена Веда почиталась как священная книга мудрости, как великое собрание вдохновенной поэзии, плод труда риши, провидцев и мудрецов, озаренным умам которых открылась – а не была познана лишь умозрительно – великая универсальная, вечная и безличная Истина, которую они воплотили в мантры, стихи силы, рожденные не обычным, но божественным вдохновением и произошедшие из божественного источника. Имя этих мудрецов было Кави; позднее это слово стало употребляться для обозначения любого поэта, но в то время его смысл был таков: «провидец истины». В Веде они описываются как *kavayah satyaśrutah*, «провидцы, которые слышат Истину», а сама Веда именовалась *śrutim* (*śruti*) – словом, которое стало означать «Писание откровения». В таком же качестве воспринимали Веду и провидцы времен Упанишад, и они часто обращались к ее авторитету, чтобы подтвердить истины, провозглашенные ими самими, а позднее также причисленные к Шрути, Писанию откровения, и вошедшие в священный Канон.

Эта традиция продолжилась в Брахманах, сохраняясь вопреки попыткам комментаторов ритуалистического толка, яджников, все объяснить как миф и обряд и несмотря на различие, введенное пандитами, согласно которому следовало выделять раздел деяний, Кармаканду, и раздел Знания, Джнянаканду – при том, что первый отождествлялся с гимнами Вед, а второй с Упанишадами. Это преобладание разделов, посвященных обряду, над разделами, связанными со Знанием, резко осуждается в одной из Упанишад и в Гите, но при этом и в той и в другой Веда рассматривается как Книга Знания. И все же канон Откровения, Шрути, включающий и Веды, и Упанишады, признавался наивысшим и непогрешимым авторитетом в сфере духовного знания.

Является ли все это легендой и вымыслом или безосновательной и даже бессмысленной традицией? Или дело в том, что эта теория появилась на свет лишь благодаря наличию небольшого количества высоких идей в ряде поздних гимнов? Не приписали ли авторы Упанишад стихам Ригведы смысл, которого в тех не было, создав его своим воображением или просто вольно истолковав? Современная европейская наука утверждает именно это. Она склонилась на свою сторону и умы современной Индии. В пользу европейской точки зрения говорит тот факт, что ведические риши были не только провидцами, но также песнопевцами и жрецами на жертвоприношениях – что их напевы, предназначенные для исполнения в ходе публичных жертвоприношений, постоянно отсылают нас к обычному ритуалу, и, видимо, нацелены на получение внешних плодов этих церемоний – богатства, процветания, победы над врагами. Саяна, великий комментатор, предлагает ритуалистическое и – в местах, где этого требует контекст, условное мифологическое или историческое толкование стихов Ригведы, крайне редко допуская более возвышенный смысл, хотя иногда он и предполагает этот смысл, – также и в качестве альтернативного, словно отчаявшись в возможности подобрать ритуалистическую или мифологическую трактовку. Тем не менее Саяна не отрицает ни духовный авторитет Веды, ни присутствия в ее гимнах более высокой истины. Впрочем, окончательное ее раскрытие было оставлено до наших времен и популяризовано западными учеными.

Европейские ученые переняли ритуалистическую традицию, но что касается всего прочего, то Саяну они просто оставили в стороне и занялись собственными этимологическими изысканиями или взялись строить собственные догадки в отношении ведических стихов, пред-

ложив новое толкование, во многом спорное и надуманное. Они принялись искать в Веде то, что их интересовало: древнюю историю Индии, ее общественное устройство, ее образ жизни – картину цивилизации тех времен. На основе различия языков они изобрели теорию арийского вторжения с севера, вторжения в дравидскую Индию, которое не запечатлелось ни в памяти, ни в традиции самих индийцев и не оставило никакого следа ни в эпической, ни в классической литературе. Ведическая религия с их точки зрения представляла собой простое поклонение богам природы, основанное на солярных мифах и освященное жертвоприношениями и жертвенными церемониями, достаточно примитивными по идеям и по содержанию, – и вот эти варварские моления и составляют столь высоко ценимую, прославленную и возведенную на пьедестал Веду.

Нет сомнения, что вначале существовало поклонение силам физического мира – Солнцу, Луне, Небу и Земле, Ветру, Дождю, Буре и прочим силам, Священным Рекам и множеству богов, которые управляли явлениями Природы. Это общая особенность древнего культа поклонения в Греции, Риме, Индии и у других народов древнего мира. Но во всех этих странах такие боги постепенно приобретали более высокие, психологические функции; Афина Паллада, которая первоначально могла быть богиней Зари, восходившей в пламени из головы Зевса – бога Неба, ведического Дьяуса, в классической Греции выполняет более высокую функцию, а римляне отождествляют ее со своей Минервой, богиней учености и мудрости; аналогичным образом, Сарасвати, богиня Реки, становится в Индии богиней мудрости, учености, искусств и ремесел; все греческие боги претерпели различные превращения в этом направлении: бог Солнца Аполлон стал богом поэзии и пророчеств, бог Огня Гефест стал божественным кузнецом, богом труда. В Индии этот процесс остановился на полпути, и ведические боги, развив свои психологические функции, в значительной мере сохранили определенность внешнего характера, а представление более возвышенных идей уступили новому пантеону. Им пришлось отдать главенствующие позиции богам Пуран, которые развились из этой же ранней группы божеств, но приобрели более масштабные космические функции, – Вишну, Рудре, Брахме, произошедшему из ведического Брихаспати, или Брахманаспати, Шиве, Лакшми, Дурге. Таким образом, в Индии превращение, затронувшее богов, было менее полным – боги раннего периода стали подчиненными божествами пуранического пантеона. Это произошло в значительной степени благодаря тому, что сохранилась Ригведа, в которой сосуществовали и в равной степени подчеркивались их психологические и их внешние функции; в Греции же и в Риме не было таких древних литературных памятников, которые могли бы сохранить в себе изначальные черты греческих и римских богов.

Это превращение, очевидно, происходило под влиянием культурного развития этих древних народов, которые все больше опирались на разум, все меньше были поглощены физической жизнью и, по мере того, как успешно развивалась их цивилизация, у них возникала потребность видеть в своей религии и в своих богах более возвышенные и тонкие стороны, которые могли бы подтвердить их новые, в большей степени ментальные, концепции и интересы и открыть им подлинно духовное существо или некую небесную фигуру – дающую божественную поддержку и санкционирующую их действия. Однако главнейшая роль в определении и углублении этой направленности вовнутрь, несомненно, принадлежит мистикам, которые оказывали огромное влияние на эти древние цивилизации. Действительно, почти всем им предшествовала эпоха Мистерий, когда люди, обладавшие более глубоким уровнем знаний и самопознания, устанавливали свои порядки, значимые ритуалы, символику и тайную практику внутри или на границе более примитивных внешних религий. Этот процесс принимал различные формы в разных странах. В Греции существовали орфические и элевсинские мистерии, в Египте и Халдее – жрецы с их оккультной практикой и магией, в Персии – волхвы (маги), в Индии – риши. Важнее всего для мистиков было самопознание и углубленное знание мира. Они обнаружили, что под оболочкой внешнего физического человека находится глубинное

«я» и внутреннее существо, открыть и познать которое есть его высочайшая задача. «Познай самого себя» – таково было их великое наставление, точно так же, как в Индии познание Себя (или Самости), Атмана, стало великой духовной потребностью, высочайшей целью человеческого существования. Эти мистики также обнаружили Истину, Реальность, лежащую за внешними проявлениями вселенной, и ее открытие, следование ей, осуществление этой Истины было их великим устремлением. Они раскрыли тайны и силы Природы, которые не принадлежали физическому миру, но были способны дать оккультную власть над ним и над предметами, находящимися в нем; систематизация этого оккультного знания и способностей также сделалась одним из их главных занятий. Но безопасно заниматься этими вещами можно было только после трудной и тщательной подготовки, соблюдения дисциплины и очищения своей природы – человеку обычному это было не под силу. Вступая в эту область без суровой проверки и подготовки, человек подвергал опасности и себя, и других; это знание, эти силы могли быть неправильно использованы, неправильно истолкованы, обращены от истины ко лжи, от добра ко злу. По этой причине все это было окружено строгой тайной, и под ее покровом знание передавалось от учителя к ученику. Была создана завеса из символов, за которой могли укрыться эти таинства, выработан язык, доступный пониманию лишь посвященных и непонятный для других или понимаемый ими в смысле, лежащем на поверхности, который тщательно укрывал подлинное значение и тайну слов. Это было сутью мистицизма повсеместно.

Индийская традиция с древнейших времен относилась к риши, ведических поэтов-провидцев, к людям этого типа, людям великого духовного и оккультного знания, недоступного для обычных людей, передававшим это знание и свои силы потомкам и избранным ученикам через тайное посвящение. Нелепо предполагать, будто эта традиция ни на чем не основывалась, а была лишь суеверием, ровно ничем не подтверждаемым, которое вдруг или постепенно возникло на пустом месте; обязательно должно было быть какое-то основание, пусть даже незначительное или приумноженное легендами и обросшее добавлениями в течение веков. Но в таком случае поэты-провидцы в своих произведениях неизбежно должны были выражать нечто из этого тайного знания, упоминать нечто относящееся к тайной практике, и этот элемент должен присутствовать в их произведениях, пусть даже тщательно скрываемый оккультным языком или особой символикой, – а если этот элемент существует, то должна существовать и возможность его раскрытия. Несомненно, древний язык, устаревшие слова – Яска насчитывает свыше четырех сотен таких, значение которых ему не известно, – стиль, зачастую усложненный и архаичный, не способствовали прояснению смысла; а утрата значений символов риши, ключ к которым они держали в тайне, сделала их недоступными пониманию позднейших поколений. Уже духовные искатели времен Упанишад были вынуждены прибегать к инициации и медитации, чтобы проникнуть в тайное знание риши, что же касается исследователей других времен, то тем не на что было опереться, они вынуждены были идти путем догадок и сосредоточиваться на ментальной интерпретации или искать объяснений в мифах, в легендах из Брахман, которые и сами зачастую символичны и туманны. Тем не менее, понять истинный смысл и истинную ценность Веды можно только одним способом – через расшифровку ее символики. Нам следует со всей серьезностью отнестись к совету Яски – взять за основу описание риши содержания Веды как «мудрости провидцев, слов провидцев» – и искать хоть какой-то ключ к этой древней мудрости. В противном случае, Веде придется навек остаться книгой за семью печатями; грамматисты, этимологи и академические домыслы не помогут нам открыть запертые покои.

Ибо это факт, что традиция сокровенного смысла и мистической мудрости, изложенная в стихах древней Веды, так же стара, как и сама Веда. Ведические риши верили, что вдохновение, создающее мантры, приходит к ним из более высоких, скрытых уровней сознания и мантры содержат в себе это тайное знание. Слова Веды в своем истинном смысле могли быть поняты лишь тем, кто сам есть провидец или мистик; от других же стихи утаят свое сокровенное знание. В одном из гимнов четвертой мандалы (IV.3.16) его автор, риши Вамадева, говорит

о себе как об озаренном, выражающем своей мыслью и речью слова наставления, «сокровенные слова» – *nīṇyā vacāṁsi* – «прозрения провидческой мудрости, возвещающие свой скрытый смысл провидцу» – *kāvyaṇi kavaye nivacanā*. Риши Диргхатамас говорит, что рики, мантры Ригведы, существуют «на высочайших небесах, нетленных и неизменных, где восседают все боги», добавляя: «кто не знает То – что он будет делать с риком?» (I.164.39). Затем риши упоминает четыре уровня, на которых рождается речь; три из них скрыты в тайне, четвертый же – человеческий уровень, из которого исходит обычное слово; но слово и мысль Веды принадлежат уровням высшим (I.164.46). В другом стихе (X.71) ведическое Слово описывается как наивысшая из вершин речи, как самое лучшее и самое безупречное. Это есть нечто покрытое тайной, из тайны выходит оно, проявляясь. Оно вошло в провидцев истины, в риши, и обнаруживается, если следовать путем их речи. Но сокровенный смысл Слова доступен не всем. Кому неведом внутренний смысл, те подобны людям, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат; только редкому избраннику Слово, желая его, открывает свое тело, словно жена, которая сбрасывает перед мужем нарядные одежды. Другие, кто не способен постоянно пить молоко Слова, коровы Вед, бредут за ним как за коровой недоющей, для них Слово – дерево без цветов и без плодов. Описание весьма ясное и точное; из него можно сделать несомненный вывод о том, что уже во времена создания Ригведы ее стихам приписывался сокровенный смысл, доступный далеко не каждому. В священных гимнах содержалось оккультное и духовное знание, и, как сказано, только через него может человек познать истину и подняться к высшему существованию. Вера в это относится не к позднейшей традиции – ее, по всей вероятности, разделяли все и уж, безусловно, такие великие риши, как Диргхатамас и Вамадева.

Следовательно, традиция существовала уже тогда и продолжила свое существование и после ведической эпохи. Яска упоминает несколько школ истолкования Веды. Среди них школа ритуалистической интерпретации, исторической или, скорее, мифологической интерпретации, традиция грамматических и этимологических объяснений, логических толкований и духовная интерпретация. Сам Яска утверждает существование тройного знания и, соответственно, тройного смысла ведических гимнов. Это знание обряда или ритуалистическое знание, знание божеств и, наконец, знание духовное; но истинно только последнее – и когда человек постигает его, другие отпадают или отбрасываются. Спасителен только духовный смысл, все прочие носят внешний или подчиненный характер. Далее Яска говорит: «риши видели истину, истинный закон вещей, непосредственно внутренним видением»; впоследствии же знание и внутренний смысл Веды были почти утрачены, и риши, все еще хранившим это знание, приходилось сохранять его, передавая только через посвящение своим ученикам, на самой же последней стадии для выявления смысла уже приходилось прибегать к внешним, порожденным интеллектом средствам – таким, как Нирукта и другие Веданги. Но все равно, продолжает Яска, «истинный смысл Веды может быть вновь обретен непосредственно через медитацию и тапасью», и кто способен прибегнуть к этим средствам, не нуждается ни в каких внешних способах познания. Это утверждение также достаточно ясное и позитивное.

Традиция, придающая мистическому элементу в Веде значение источника индийской цивилизации, религии, философии, культуры, гораздо созвучней историческим фактам, чем результаты европейского исследования этой идеи. Европейские ученые XIX века, работавшие в эру материалистического рационализма, рассматривали историю народа как процесс развития из состояния примитивного варварства или полуварварства, от грубой социальной системы и религии, от нагромождения суеверий, как становление внешних институтов цивилизации, образа жизни и навыков – через развитие интеллекта и рассудка, искусства, философии и науки, а также более ясного и здравого и более практического разума. Древние представления о Веде не могли уложиться в эту схему; их рассматривали как часть архаичных суеверных идей и примитивных заблуждений. Однако сейчас мы можем выработать более верное представление о развитии народа. Древние примитивные цивилизации содержали в себе элементы грядущего

роста, но мудрецы древности были не учеными или философами, не людьми высокоразвитого интеллектуального мышления – они были мистиками и даже людьми мистерий, оккультными практиками, духовными искателями; они искали истину, скрытую за поверхностью вещей, а не знание внешнего мира. Ученые и философы появились позже; им предшествовали мистики, а зачастую они сами, подобно Пифагору и Платону, были в известной степени мистиками или почерпнули от мистиков многие свои идеи. В Индии философия выросла из исканий мистиков, сохранила и развила их духовные цели, а многие мистические приемы были использованы в позднейшей индийской духовной дисциплине и в йоге. Ведическая традиция, наличие мистического элемента в Веде полностью согласуются с этими историческими фактами, занимая свое место в истории индийской культуры. Традиция Веды, как первоосновы индийской цивилизации, а не просто варварской литургии жертвоприношения, есть больше чем традиция, это подлинный исторический факт.

Но, даже если в ведических гимнах можно обнаружить элемент высокого духовного знания или места, исполненные возвышенного духовного смысла, то можно было бы предположить, что это, вероятно, лишь небольшая часть текста, все же остальное – это литургия жертвоприношения, молитвенные формулы и восхваления богов, которые были нужны для того, чтобы упросить их осыпать приносящих жертвы материальными благами, даровать им изобилие коров, коней, воинов, сыновей, пищи, всякого рода богатства, защиту, победу в битве или же пролить дождь с небес, возратить солнце из-за туч или высвободить его из тисков Ночи, дать свободно течь семи рекам, отвоевать украденный скот у дасью (или дравидов), или даровать прочие блага, которые на первых взгляд кажутся целью этого ритуального поклонения. Если так, то риши предстают в виде людей, которые наделены некоторым духовным или мистическим знанием, но в целом над ними довлеют общепринятые представления, свойственные их времени. Значит, эти два элемента должны бы были тесно переплетаться в их гимнах, что хотя бы отчасти объяснило ту туманную, довольно странную, а иногда имеющую гротескный вид путаницу, которую нам предлагает традиционное истолкование Веды. Однако если, напротив, несомненно обнаруживается значительный объем свидетельств высокой мысли, если существует значительное число стихов или целых гимнов, по характеру и смыслу допускающих только мистическое истолкование, и, наконец, если обнаруживается, что поверхностные или ритуалистические подробности часто принимают вид символов, какие обычно используются в мистической литературе, и если в самих гимнах есть множество ясных указаний или даже недвусмысленных утверждений, раскрывающих этот сокровенный смысл, тогда это меняет всю картину. Тогда мы имеем дело с великим мистическим писанием, с писанием, имеющим двойной смысл – экзотерический и эзотерический, где сами символы обладают смыслом, делаящим их частью эзотерического, элементом сокровенного учения и знания. Тогда вся Ригведа, за вычетом, возможно, небольшого числа гимнов, по своему внутреннему содержанию становится таким Писанием. В то же время экзотерический смысл необязательно является лишь маской; возможно, что риши рассматривались их авторами как слова, обладающие силой, способные воздействовать не только на внутренний, но и на внешний мир. Чисто духовное писание было бы сосредоточено на одном только духовном смысле, но древние мистики были еще и теми, кого сегодня мы бы назвали оккультными практиками, людьми, считавшими, что внутренние методы могут давать результаты как во внутреннем, так и во внешнем мире, что мысли и слова могут служить всякого рода свершениям, что – по выражению, часто встречающемуся в самой Веде, – они способны осуществлять задачи как человеческие, так и божественные.

Но как отыскать в Веде это эзотерическое содержание? Его можно раскрыть, только придав неизменное и самое прямое значение всем словам и формулам, употребляемым риши, в особенности тем ключевым словам, которые служат краеугольным камнем всей структуры их учения. Одно из них – это великое слово Ритам, Истина; Истина была главной целью исканий мистиков – духовная или внутренняя Истина, истина нас самих, истина вещей, истина мира

и богов, истина за всем, что мы есть, и за всем сущим. В ритуалистической интерпретации это ключевое слово ведического знания толковалось во всех возможных смыслах, в согласии с удобством и фантазией толкователя; ему приписывались такие значения, как «истина», «жертвоприношение», «вода», «ушедший» и даже «пища», – не говоря о множестве других. Если мы будем поступать таким же образом, то утратим всякую уверенность в правильности понимания Веды. Однако, стоит нам начать последовательно придавать этому слово один и тот же ключевой смысл, как мы придем к непривычному, но ясному результату. Если же использовать эту методику в отношении других установившихся терминов Веды, придавая им при прочтении обычное, естественное, прямое значение и придерживаясь этого значения неуклонно и последовательно, не играя со смыслом и не обращая слово в чисто ритуалистический термин, если допустить психологическое истолкование для таких важных слов, как *шравас* (*śravas*), *крату* (*kratu*), которое они вполне могут иметь и которое они, несомненно, имеют в определенных местах, например, когда Агни описывается как *kratur hr̥di* («воля в сердце»), – то результат становится еще более ясным, объемлющим и убедительным. Если еще, вдобавок, следовать указаниям, встречающимся весьма часто подчас даже в форме недвусмысленных заявлений риши о внутреннем смысле их символики, и толковать в том же смысле значимые легенды и фигуры, к которым риши постоянно возвращаются, – победу над Вритрой и битву с вритрами – его силами, высвобождение Солнца, Вод, Коров из-под власти пани и других дасью, – то вся Ригведа раскроется перед нами как вместилище учения и практики – эзотерической, оккультной, духовной, учения и практики, какие могли бы быть созданы мистиками в любой из стран древнего мира, но которые реально дошли до нас только в Веде. Это учение умышленно скрыто под завесой, но завеса на поверку оказывается менее плотной, чем казалась вначале; стоит только нам самим пристальнее взглянуться – и завеса исчезает; перед нами восстает сокровищница божественного Слова, Истины.

Многие стихи и даже целые гимны Веды несут на поверхности свой мистический смысл; они определенно являются оккультной формой выражения, обладающей внутренним смыслом. Когда провидец говорит об Агни как о «лучезарном хранителе Истины, сияющем в своем собственном доме», или говорит, что Митра, Варуна и другие боги «соприкасаются с Истиной, заставляя Истину расти», или называет их «рожденными в Истине», становится очевидно, что это слова мистического поэта, который имеет в виду внутреннюю Истину за поверхностью вещей – ту, что искали древние мудрецы. Поэт не имеет в виду Природную Силу, что управляет внешним элементом огня, не имеет он в виду и огонь ритуального жертвоприношения. Или же поэт говорит о Сарасвати как о той, что приводит в движение слова Истины и пробуждает к правильному мышлению, или как об изобилующей мыслями: Сарасвати пробуждает к осознанию или дает нам осознать «Великий Океан и озаряет все наши мысли». Конечно же поэт воспевает не богиню Реки, но Энергию, если угодно, Поток вдохновения, слово Истины, несущее свой свет в наши мысли, созидавая в нас эту Истину, внутреннее знание. Боги постоянно предстают в своих психологических функциях; жертвоприношение есть внешний символ некоей внутренней работы, внутреннего взаимодействия между богами и людьми, при котором человек отдает то, что у него есть, а боги взамен дают ему коней энергии, стада света, героев Силы, дабы они составили его свиту, завоевывая ему победу в битве с ордами Тьмы, с вритрами, дасью и пани. Когда риши говорит: «Да станем мы сознательны – силой Скакуна ли, Словом ли Мощи, что превыше человека», то его слова либо заключают в себе мистический смысл, либо вообще не имеют какого-либо определенного значения. Среди отрывков, переведенных в настоящей книге, есть много мистических стихов и целых гимнов, которые, при всей их мистичности, срывают завесу с внешних образов жертвоприношения, за которыми скрыт подлинный смысл Веды. «Мысль, – говорит риши, – вскормила для нас вещи человеческие в Бессмертных, в Великих Небесах; она корова молочная, что доится богатством многих форм»; многие формы богатства – это и коровы, и лошади, и все прочее, о чем молит приносящий жертву; очевидно,

что здесь и речи нет о материальных благах, ведь это нечто, что Мысль – Мысль, воплощенная в Мантре – способна дать нам, и это результат той же Мысли, которая вскормила наши человеческие вещи в Бессмертных, в Великих Небесах. Процесс обожения и принесения вниз на землю великих и светоносных богатств, сокровищ, отвоєванных у Богов внутренним трудом жертвоприношения, описывается намеками и терминами нарочито затуманенными, но тем не менее для того, кто знает как читать сокровенные слова, *niṣṭya vacāṁsi*, они достаточно выразительны, *kavaye nivacanā*. И далее снова, Ночь и Заря – вечные сестры – подобно «радостно ткущим женщинам, вплетают нити наших совершенных трудов в ткань жертвоприношения». Опять слова, наделенные мистической формой и значением, но едва ли можно представить себе более позитивное утверждение о психологическом характере Жертвоприношения, подлинном значении Коровы, желаемых богатств, изобилия Великого Сокровища.

Необходимость маскировать содержание символами и символическими словами – ибо тайна должна оберегаться – вынуждает риши обращаться к словам с двойным значением, что не представляет особых трудностей в санскрите, где одно слово часто имеет несколько значений, зато отнюдь не легко, а то и просто невозможно, перевести на английский. Так, слово *go* (*go*), корова, также означает свет или луч света; оно встречается в именах некоторых риши – Готама, самый лучезарный, Гашиштхира, непоколебимый в Свете. Ведические коровы были Стадами Солнца, знакомыми по греческим мифам и мистериям, они – лучи Солнца Истины, Света и Знания; это значение, которое вытекает из ряда стихов, может последовательно применяться во всей Веде и всюду давать убедительный смысл. Слово *ghṛta* (*ghṛta*) означает *gḥi*, очищенное топленое масло, которое служило одним из главных компонентов в жертвенном обряде; однако *ghṛta* может значить и свет – от корня *ghṛ*, сиять, и во многих случаях слово употребляется именно в этом значении. Так, кони Индры, Повелителя Небес, описываются как «брызжущие светом», *ghṛtasnū*,⁴ что, конечно же, не означает, что на скаку с них льется топленое масло, хотя этот же эпитет похоже подразумевает именно масло, когда употребляется в связи с зерном, которым предлагают угоститься коням Индры, появляющимся на жертвоприношении.

Очевидно, в символике жертвоприношения значение «свет» дублируется вторым – «очищенное топленое масло». Мысль или слово, ее выражающее, сравниваются с чистым топленным маслом, возникают выражения типа *dhiyam ghṛtācīm* – светоносная мысль или понимание. В одном из гимнов, приведенных в этой книге, есть любопытный пассаж: Огонь, как жрец жертвоприношения, призывается окропить приношение умом, изливающим *ghṛtamy, ghṛtapruṣa tanasā*, тем самым делая явленными Сидения («места», или «уровни»), каждое из которых вмещает трое небес, и явить Богов⁵ (2.3.2).

Но что это за ум, изливающий топленое масло, и каким образом может жрец, выливая топленое масло, явить собравшимся Богов и тройные небеса? Смысл становится ясным, если допустить мистическое и эзотерическое значение слов. Риши подразумевает «ум, изливающий свет», работу ясности просветленного или озаренного ума; и не жреца в человеческой форме, не жертвенный огонь, но внутреннее Пламя, мистическую провидческую волю, *kavikratu*, несомненно, способную этим процессом проявить Богов, миры и все уровни бытия. Необходимо помнить, что риши были провидцами, как и мудрецами, – они были людьми видения, которым в своем созерцании представляли вещи в образах, часто символических, предваряющих переживание или сопутствующих ему и придающих переживанию конкретную форму, возможно, предопределяя или придавая оккультное содержание опыта; так что риши вполне мог одновременно видеть внутреннее переживание и его символическую суть в образе: поток чистого

⁴ Саяна, который в нескольких местах переводит *ghṛta* как свет, в данном случае предлагает значение «вода»; вероятно, он думает, что божественные кони сильно устали и вспотели! Истолкователь натуралистического толка мог бы начать доказывать, что поскольку Индра есть Бог неба, то примитивный поэт вполне мог верить, будто дождь – это капли пота с коней Индры.

⁵ Это перевод Саяны, буквально передающий значение слов.

света и бога-жреца, выливающего это очищенное масло на внутреннее подношение себя (*self-offering*), которое и дает риши это переживание. Все это может казаться странным для западного ума, но для ума индийского, привыкшего к индийской традиции или познавшего медитацию и оккультное видение, здесь все предельно ясно. Мистики были и, естественно, остаются символистами; они способны воспринимать физические вещи и события как символы внутренних истин и реальностей – даже свои внешние «я», внешние события своей жизни и все, что их окружает. В силу этого для них было легким отождествление или даже объединение вещи или явления и его символа.

Напрашивается сходное истолкование и других часто встречающихся в Веде символов и слов. Как ведическая «корова» есть символ света, так «конь» в Веде есть символ энергии, духовной мощи, силы тапасы. Когда риши просит Агни о «даре в форме лошади с коровой впереди», он на самом деле просит не о табуне коней, который образовал бы содержание, основу дара – впереди которого шествовали бы еще и коровы, – риши молит об огромной духовной силе, ведомой светом, или же, как это можно перевести, «с Коровой Света, идущей во главе»⁶.

Если в одном гимне описывается освобождение из-под власти Пани массы лучей (коров – сияющих стад, *gavyam*), то в другом риши просит Агни о полноте изобилия или энергии коня – *aśvyam*. Точно так же риши иногда просит о героях или воинах для своей свиты, в некоторых случаях переходя на более абстрактный и свободный от символов язык и говоря о совершенной силе героя – *svīryam*, иногда же он сочетает символы с тем, что они обозначают. Также риши просят о сыне, или о сыновьях, или о потомстве, *apatyam*, как о составной части того богатства, о котором они молят Богов, но и в этом можно усмотреть эзотерический смысл, ибо в некоторых местах рождение сына описывается явно как образ некоего внутреннего рождения: сам Агни есть наш сын, дитя наших трудов, дитя, которое в качестве Вселенского Огня есть отец своих отцов, и, следуя по стопам тех, кто имеет хорошее потомство, мы пролагаем или открываем путь к высшему миру Истины. Как символ используется в Веде и слово «вода». В Веде говорится о бессознательном океане, *salilam apraketam*, в который вовлечено Божественное и из которого оно рождается своим величием; в Веде говорится и о великом океане, *mahā arṇah*, верхних водах, которые, как сказано в одном гимне, Сарасвати делает осознанными для нас или которые она дает нам осознать при помощи луча интуиции: *pra cetayati ketunā*. Семь рек похожи на реки северной Индии, но в Веде говорится о семи могущественных Небесных реках, которые текут с Небес; это воды, наделенные знанием, ведающие Истину – *ṛtajñā*, и, будучи освобождены, они открывают нам путь к великому Небу. Таким же образом Парашара говорит о Знании и универсальной Жизни «в доме вод». Убив Вритру, Индра освобождает дождь – но дождь этот также – дождь Небес – и выпускает течь реки. Так легенда о высвобождении вод, занимающая столь большое место в Веде, приобретает значение символического мифа. С ней сопряжена другая символическая легенда – о том, как Боги и риши Ангирасы отыскали и вызволили из темной пещеры в горе Солнце, коров или солнечных стада, или солнечный мир – *Svar* (*svar*). Символ Солнца постоянно ассоциируется с наивысшим Светом и Истиной: в Истине, сокрытой низшей Истиной, распрягаются кони Солнца, великая мантра Гаятри призывает Солнце, наивысший Свет, привести наши мысли в движение. Также в Веде говорится и о врагах, как о грабителях, дасью, которые угоняют коров, или вритрах, которые в обычной интерпретации принимаются за враждебно настроенных людей, но Вритра – демон, прячущий и удерживающий Свет и воды, а вритры – его силы, выполняющие эту функцию. Дасью – грабители или разрушители – суть силы мрака, противники ищущих Свет и Истину. Здесь мы постоянно наталкиваемся на указания, которые ведут нас от внешнего и эзотерического смысла к внутреннему и эзотерическому.

⁶ Сравните это выражение с описанием ариев – благородного народа, ведомого светом, *jyotir-agrāh*.

В связи с символом Солнца здесь можно упомянуть знаменательный и чрезвычайно важный гимн из восьмой мандалы; он не только иллюстрирует глубину мистического символизма ведийских риши, но и показывает, как понимали Ригведу авторы Упанишад и что внушало им веру во вдохновенное знание их предшественников. В гимне говорится: «Есть Истина, сокрытая Истиной, где распрягают коней Солнца; десять сотен стояли вместе, там было То Единое⁷, я видел величайшего (наилучшего, славнейшего) из воплощенных богов»⁸. Отметим, как провидец Упанишад переводит эту мысль или этот мистический опыт в термины своего, более позднего, стиля, сохраняя центральный символ Солнца, но уже не делая тайны из его значения. В Упанишадах этот отрывок выглядит так: «Лик Истины сокрыт золотым занавесом. О Пушан, устрани его ради видения закона Истины⁹. О Пушан (пестующий), провидец единственный, о Яма, о Солнце, о Дитя Отца всех существ, направь и вместе собери свои лучи; я вижу Свет, который есть прекраснейшая (благодатнейшая) из форм твоих; он, кто есть этот Пуруша, Он – это я».

Подразумевается, что золотой занавес есть то же самое, что и низшая, скрывающая истина, *ritam* (*ṛtam*), о которой говорится в ведийском стихе; «наилучшее из тел богов» – то же, что и «прекраснейшая форма Солнца», это высочайший Свет, иной и более великий, чем любой внешний свет; великая формула Упанишад «Он – это я» соответствует Тому Единному, *tad ekam*, стиха Ригведы; выражение «десять сотен стоящих вместе» (Саяна говорит, что это лучи Солнца, и смысл, очевидно, таков) воспроизводится в мольбе к Солнцу «направить и собрать его лучи», дабы сделать зримой его наивысшую форму. Солнце, упоминаемое в обоих отрывках, выступает – неизменно в Веде и часто в Упанишадах – как Божество наивысшей Истины и Знания, а его лучи – как свет, исходящий из этой высшей Истины и Знания. Из этого примера, который можно подкрепить и другими, ясно, что провидец Упанишад куда лучше понимает смысл древней Веде, нежели средневековый комментатор-ритуалист со всеми своими гигантскими познаниями, и значительно лучше, чем современный и в корне отличный от него ум европейского ученого.

Есть определенные психологические термины, которые должны последовательно пониматься в их истинном смысле, если мы хотим обнаружить их внутреннее или эзотерическое значение. Помимо Истины, *ritam*, очень часто повторяется в гимнах слово *дхи* (*dhī*), которое нужно всегда понимать как «мысль». Это естественное значение *дхи*, соответствующее позднейшему слову «буддхи»; это слово означает мысль, понимание, разум, а во множественном числе «мысли», *dhiyah*. В общепринятом толковании этому слову приписываются разнообразнейшие значения: «вода», «работа», «жертвоприношение», «пища» и т. д., а также и «мысль». Однако в нашем поиске мы должны последовательно брать это слово в его обычном и естественном значении и смотреть, каков будет результат. Слово *кету* (*ketu*) обычно значит «луч», но имеет еще и такие значения, как «интеллект», «суждение» и «интеллектуальное восприятие». Сопоставляя те места в Веде, где встречается это слово, можно прийти к заключению, что оно означает луч восприятия или интуиции; например, при помощи луча интуиции, *ketunā*, Сарасвати дает нам осознать великие воды; скорее всего, в этом смысл тех лучей, которые исходят из Высочайшего основания вверху и направлены вниз; это интуитивные проблески знания, предстающие в виде лучей Солнца Истины и Света. Слово *крату* (*kratu*) обыкновенно обозначает действие или жертвоприношение, но помимо этого еще и разум, силу или решимость и, в особенности, силу разума, которая определяет собой действие, – волю. Для эзотерического прочтения Веде мы можем воспользоваться как раз этим последним значением. Агни есть провидческая воля, *kavikratu*, он есть «воля в сердце», *kratur hr̥di*. И наконец, слово *шравас*

⁷ Или – То (наивысшая Истина) было единственным.

⁸ Или – я видел величайшее (наилучшее) из тел богов.

⁹ Или – ради закона Истины, ради видения.

(*śravas*), которое постоянно употребляется в Веде в значении «слава», тоже толкуется комментаторами как «пища», но эти значения не везде подходят и очень часто лишены всякого смысла или неуместны. Дело в том, что *śravas* – слово, производное от корня *śru* («слышать») – употребляется и в прямом значении («слух») или в значении гимна или молитвы (такие значения признает за ним и Саяна), из чего можно заключить, что это слово надо понимать как «нечто услышанное» или как знание, полученное нами в результате слышания. Риши говорят о себе как о слышащих Истину, *satyaśrutah*, а о знании, полученном таким путем, как о Шрути. Мы можем предположить, что в эзотерическом смысле Веды *śravas* есть вдохновение или вдохновенное знание, и обнаружим, что это значение слова везде оказывается совершенно уместным; так, когда риши говорит о *śravāṁsi*, которые либо поднимаются ввысь, либо нисходят сверху, то здесь явно нет связи ни с пищей, ни со славой, зато слово употреблено совершенно уместно и осмысленно, если имеются в виду вдохновения, восходящие вверх к Истине или низводящие Истину вниз, к нам. Такой метод мы можем использовать повсеместно, но обсуждать его далее здесь у нас нет возможности. В сжатых рамках этого введения приходится довольствоваться общими положениями, которые призваны дать читателю начальное представление об эзотерическом методе толкования Веды.

Но что же тогда составляет сокровенную суть, эзотерический смысл, который проявляется благодаря такому пониманию Веды? Это именно то, что мы и предполагали, исходя из самой природы исканий мистиков, где бы они ни происходили. Это также есть, как и следовало ожидать, исходя из реального направления развития индийской культуры, древняя форма духовной истины, находящей свое завершение в Упанишадах; сокровенное знание Веды есть семя, развившееся впоследствии в Веданту. Мысль, вокруг которой сосредоточено все остальное, это поиск Истины, Света, Бессмертия. Существует Истина, более глубокая и высокая, нежели истина внешнего существования, Свет – более великий и высокий, нежели свет человеческого понимания, – дающийся нам через вдохновение или откровение, бессмертие, к которому должна возвыситься душа. Нам надо найти путь к этому, войти в соприкосновение с этой Истиной и Бессмертием, *sapanta ṛtam amṛtam*¹⁰, родиться в Истине, расти в ней, вознестись в духе в мир Истины и жить в нем. Сделать это – значит соединиться с Божественностью и совершить переход от бренности к бессмертию. Это первое и главное положение ведических мистиков. Платоники, развивая учения древних мистиков, утверждали, что наша жизнь связана с двумя мирами – миром высшей истины, который можно назвать духовным, и миром, в котором мы живем, миром души, заключенной в плоть, который произошел от высшего, но опустился вниз, погрузившись в низшую истину и в низшее сознание. Ведические мистики придерживались этого учения в более конкретной и прагматической форме, так как обладали опытом обоих миров. Истина в нашем мире есть истина низшего порядка, потому что она смешана с неистиной и заблуждением, *anṛtasya bhūreḥ*¹¹, но есть мир или обитель Истины, *sadanam ṛtasya*¹², где изначально пребывает Истина, Порядок и Беспредельность, *satyam ṛtam br̥hat*¹³, где все представляет собой Сознание-Истину, все есть *ṛtacit*¹⁴.

Есть много промежуточных миров, вплоть до тройных небес с их светом, но это – мир высочайшего света, мир Солнца Истины, *svar*, или Великое Небо. Нам требуется отыскать путь в это Великое Небо, путь Истины, *ṛtasya panthāḥ*¹⁵, или путь богов, как его иногда называют. Это – второе положение мистиков. Третье сводится к тому, что наша жизнь есть битва между

¹⁰ I.68.2.

¹¹ VII.60.5.

¹² I.164.47, а также IV.21.3.

¹³ Атхарваведа XII.1.1.

¹⁴ IV.3.4.

¹⁵ III.12.7, а также VII.66.3.

силами Света и Истины, бессмертными Богами, и силами Тьмы. Последние упоминаются под различными именами: это – Вритра и вритры, вала и пани, дасью и их цари. Нужно призвать на помощь Богов, чтобы сокрушить противодействие этих сил Тьмы, которые скрывают Свет и отнимают его у нас, которые не дают течь рекам Истины, *ṛtasya dhārāḥ*¹⁶, потокам с Неба, и всеми способами препятствуют возвышению души. Мы должны призвать Богов посредством внутреннего жертвоприношения и Словом пробудить их в нас, в этом и заключается особая сила Мантры – принести им жертвенные дары, тем самым обеспечивая их ответные дары и пролагая себе путь восхождения к цели.

Элементы внешнего жертвоприношения используются в Веде в качестве символов внутреннего жертвоприношения и приношения в жертву самого себя; мы отдаем то, чем мы являемся, и то, чем располагаем, дабы богатства божественной Истины и Света смогли низойти в нашу жизнь и стать элементами нашего внутреннего рождения в Истине – в нас должны развиться правильное мышление, правильное понимание, правильное действие, которые будут мышлением, побуждением и действием этой высшей Истины, *ṛtasya preṣā, ṛtasya dhītiḥ*¹⁷, и через них мы должны созидать себя в этой Истине. Наше жертвоприношение есть путешествие, паломничество и битва – путешествие к Богам; и мы совершаем это путешествие вместе с Агни, внутренним Огнем, который служит нам проводником и предводителем. Составляющие нашего человеческого бытия этот мистический Огонь возносит в бессмертное бытие, в Великое Небо, и проявления божественного бытия нисходят в нас. Подобно тому как сущностные положения Ригведы есть семя учения Веданты, ее внутренняя практика и дисциплина есть семя позднейшей практики и дисциплины Йоги. Наконец, вершиной учения ведических мистиков является тайна единой Реальности, *ekam sat*¹⁸ или *tad ekam*¹⁹, которая станет основой Упанишад. Боги, силы Света и Истины, суть энергии и имена Единого, каждый Бог – это все Боги, каждый несет всех их в себе: существует единая Истина, *tat satyam*²⁰, и единое блаженство, и это то, к чему мы должны совершить наше восхождение. Однако в Веде это положение по большей части еще едва проглядывает из-под покрова тайны. В Веде есть и многое другое, но это положение составляет ядро всего учения.

Предлагаемое мной истолкование было подробно изложено в серии статей под общим названием «Тайна Веды», публиковавшихся в философском ежемесячнике «Арья» лет тридцать назад; статьи появлялись по мере того, как я разрабатывал теорию, поэтому серия не охватывает всего, да и писались статьи без общего, хорошо продуманного плана, отдельной книгой они не выходили и пока недоступны читателю. Статьи сопровождались переводами ряда гимнов Ригведы, скорее толкованиями, нежели переводами, – которым было предпослано пояснение «Учения мистиков». Впоследствии планировалось подготовить полный перевод гимнов к Агни из всех десяти мандал – перевод, близкий к оригиналу; переводы гимнов к Агни из второй и шестой мандал, а также нескольких гимнов из первой мандалы впервые публикуются в этой книге. Однако для того, чтобы заложить научную основу для выводов из моей гипотезы, потребовалось бы подготовить издание всей Ригведы или большей ее части, толкуя каждое санскритское и английское слово, давая пояснения к важным положениям текста и доказывая правомерность интерпретации отдельных слов и целых стихов, не говоря уже о подробных комментариях для окончательного уточнения смысла таких ключевых слов, как *rta, śravas, kratu, ketu* и т. д., существенных для эзотерического истолкования. Все это тоже планировалось, но в планы вторглись более значительные заботы постоянного характера, которые не оставили

¹⁶ V.12.2, а также VII.43.4.

¹⁷ I.68.3.

¹⁸ I.164.46.

¹⁹ X.129.2.

²⁰ III.39.5; а также IV.54.4 и VIII.45.27.

времени для выполнения столь серьезного замысла. Данное введение было написано для тех читателей переводов гимнов, которые могли оказаться в растерянности без пояснений. Кроме того, в книгу включены отрывки из не печатавшегося ранее «Учения мистиков». Для тех, кто читает на санскрите, текст Ригведы приводится в оригинале. Тем не менее эти переводы не замышлялись как научная работа, предназначенная для обоснования гипотезы; цель публикации только в том, чтобы представить гимны в устойчивой форме для последователей учения и для тех, кто склонен видеть в Ведах нечто большее, нежели обычную литургию, и желал бы узнать, в чем заключается эзотерический смысл этого древнего Писания.

Это перевод литературный, а не строго буквальный. Однако в нем сохранены верность смыслу, значения слов и структура мысли – собственно, методика заключалась в том, чтобы начинать с дословного и скрупулезно точного перевода и потом придерживаться его как основы интерпретации, ибо только таким образом можно выявить подлинные мысли этих древних мистиков. Вместе с тем, всякий перевод поэзии столь великой, как гимны Ригведы – блистательные по колориту и образности, благородные и прекрасные по ритмике, совершенные по стилю, – если мы не хотим превратить их в сухую схоластику, должен быть хотя бы отдаленным эхом поэтической мощи оригинала; большего и невозможно добиться при прозаическом переводе на язык, так сильно отличающийся от санскрита. Построение фразы и синтаксис английского языка и санскрита полярно противоположны; для того чтобы передать стилистические особенности и естественность речи, все время приходится обращать сжатый язык Веды в менее энергичные и более расплывчатые формы английского языка. Другой камень преткновения для переводчика – это постоянная игра двойных значений слов, которая делает одно и то же слово и символом, и тем, что он символизирует, – Луч и Корова, ясный свет ума и очищенное топленое масло, лошади и духовная энергия; приходится выдумывать выражения типа «стада света» или «сияющие стада» или прибегать к другим уловкам, скажем, писать слово Конь с заглавной буквой, чтобы читатель понял, что имеется в виду конь символический, а не физическое животное; однако сплошь и рядом приходится отказываться от символа или же, сохраняя символ, предоставлять читателю догадываться о внутреннем смысле²¹. Я не всякий раз пользовался одним и тем же выражением, хотя всегда сохранял верность смыслу, варьируя переводы в зависимости от требований контекста. Часто я оказывался не в состоянии подобрать адекватное английское слово, которое передавало бы все оттенки смысла и нюансы оригинального текста; я употреблял два слова там, где в оригинале было одно, или использовал другие приемы, чтобы полностью и точно передать смысл. Помимо всего этого, нередко приходилось сталкиваться с архаичными словами или оборотами речи, значения которых на самом деле неизвестны и о них можно только догадываться; кроме того, они вполне могут допускать разный перевод. Во многих случаях мне приходилось довольствоваться условными толкованиями; предполагалось, что окончательное решение будет принято, когда будет переведена и подготовлена к печати достаточно большая часть гимнов, однако это время еще не наступило.

²¹ Подчас риши как будто сочетали два разных значения в одном слове. В этих местах я пытался передать этот двойной смысл.

Проблема и ее решение

Существует ли вообще или остается ли до сих пор неразгаданной тайна Веды?

Согласно нынешним представлениям, суть той древней тайны уже выявлена и представлена ко всеобщему обозрению или же, скорее всего, настоящей тайны не было вовсе. Гимны Веды – это жертвенные сочинения примитивной, не вышедшей из варварства расы, сложившиеся вокруг системы церемониальных и искупительных обрядов, обращенных к персонифицированным силам природы; они наполнены туманными, еще не сложившимися мифами и грубыми астрономическими аллегориями, также находящимися в процессе становления. Лишь в поздних гимнах мы впервые ощущаем присутствие более глубоких психологических и моральных идей – заимствованных, как иные полагают, у враждебных дравидов, «грабителей» и «противников Веды», как откровенно именуются они в самих гимнах, – и обнаруживаем первые семена, хоть и непонятно откуда возникшие, позднейших ведантских построений. Эта современная теория согласуется с общепризнанной идеей о стремительной эволюции человека с совсем еще недавнего уровня дикаря; она опирается на внушительный аппарат критических исследований и поддерживается рядом научных дисциплин, к сожалению, еще весьма юных и во многом пока гипотетических в своих методах и непостоянных в своих результатах, таких, как сравнительная филология, сравнительная мифология, а также сравнительное религиоведение.

В этих главах я ставлю своей целью предложить новый подход к этой древней проблеме. Я не намерен идти путем негативного и деструктивного метода, вступающего в противоречие с общепризнанными решениями, я просто хочу изложить, позитивно и конструктивно, более полную и, в известном смысле, дополняющую другие гипотезу, построенную на более широкой основе, – гипотезу, которая вдобавок может пролить свет на некоторые важные проблемы в истории древней мысли и культа, весьма неудовлетворительным образом решаемые обычными теориями.

В Ригведе, по оценке европейских ученых – единственной и подлинной Веде, мы сталкиваемся с собранием жертвенных гимнов, изложенных очень древним языком, овладение которым представляет ряд почти непреодолимых трудностей. Она полна древних форм и слов, не встречающихся в позднем языке, смысл которых часто приходится устанавливать при помощи догадок; многие слова, хотя и вошедшие в классический санскрит, имеют или, по крайней мере, допускают толкование, отличное от их смысла в позднем литературном языке; кроме того многие слова, в особенности наиболее распространенные и важные для понимания смысла, обнаруживают поразительное число несвязанных между собой значений, способных, в зависимости от предпочтения нашего выбора, придать совершенно разную окраску целым фрагментам, целым гимнам и даже всей мысли Веды. На протяжении нескольких тысячелетий были сделаны по меньшей мере три значительные попытки, хотя и совершенно отличные по своим методам и результатам, установить смысл этих древних изречений. Одна относится ко временам очень древним и представлена фрагментами из Брахман и Упанишад; но мы располагаем во всей полноте традиционной интерпретацией индийского ученого Саяны и уже в наши дни обрели интерпретацию Вед современной европейской школой, плод колоссального труда по сопоставлению и выдвижению гипотез. Обе интерпретации обнаруживают в общем одну особенность – они приписывают древним гимнам поразительную несвязанность мысли и смысловую бедность. Отдельным строкам можно придать – без особого усилия либо с некоторой натяжкой – определенный смысл или хотя бы осмысленность; язык, возникающий в результате, при всей своей стилиевой напыщенности, перегруженности избыточными и декоративными эпитетами и невероятной бедности смысла этой огромной массы высокопарных слов и витиеватых фигур речи, все же выстраивается в доступные пониманию фразы. Но, принимаясь читать гимны в

целом, мы словно бы соприкасаемся с людьми, которые в отличие от древних писателей других народов были неспособны связно и естественно выражать мысли или логически завершить их. Язык большинства гимнов, за исключением более коротких и простых, представляется либо туманным, либо искусственным; мысли или не связаны между собой, или истолкователю приходится изрядно потрудиться, чтобы объединить их в единое целое. Исследователь, работая со своим текстом, принужден заменить процесс истолкования чуть ли не процессом фабрикации. Мы ощущаем, что он не столько выявляет смысл, сколько силится уложить непокорный материал в некое подобие формы и последовательности.

Но этим туманным и варварским сочинениям выпала счастливейшая судьба в истории мировой литературы. Они стали признанным источником не только для богатейших и глубочайших мировых религий, но также и для тончайших метафизических философий. В непрерывной тысячелетней традиции они почитались в качестве источника и критерия всего, что признавалось авторитетным и подлинным в Брахманах и Упанишадах, в Тантрах и Пуранах, в доктринах великих философских школ и учениях прославленных святых и мудрецов. Они носили имя «Веда», то есть знание, – имя, присвоенное высочайшей духовной истине, какую только способен воспринять человеческий разум. Но если согласиться с нынешними интерпретациями, Саяны ли или современных теоретиков, то вся их величественная и священная слава обращается в грандиозную фикцию. Гимны же удивительным образом становятся не более чем наивными верованиями необразованных и материалистичных варваров, поглощенных только самыми поверхностными приобретениями и удовольствиями, практически не имеющих понятия об элементарных моральных устоях и религиозных побуждениях. Это общее впечатление не могут разрушить отдельные фрагменты, совершенно не гармонирующие с общим духом писания. Подлинная основа или начальная точка отсчета для позднейших религий и философий – это Упанишады, которые в таком случае следует рассматривать как бунт философских и умозрительных построений против ритуалистического материализма Вед.

Однако эта концепция, опирающаяся на вводящие в заблуждение европейские аналогии, на самом деле ничего не объясняет. Такие глубокие и высокие мысли, такие тонкие и разработанные психологические системы, какие обнаруживаются в Упанишадах, не могли появиться из ничего. Человеческий ум идет в своем прогрессе от знания к знанию, или же обновляет и расширяет предшествующее знание, которое оказалось забытым и погребенным под наслоениями иного, или же ум ухватывается за старые несовершенные представления и они ведут его к новым открытиям. Мысль Упанишад предполагает существование великих истоков, предшествующих ей самой, а в обычных теориях это опускается. Гипотеза, предназначенная для заполнения этого пробела, которая гласит, что идеи эти были заимствованы арийскими варварами-завоевателями у цивилизованных дравидов, представляет собой всего лишь предположение, опирающееся только на другие догадки. На самом деле возникают даже сомнения, не является ли вся история об арийском вторжении в Пенджаб мифом филологов.

Школам интеллектуальной философии античной Европы предшествовали тайные доктрины мистиков; орфические и элевзинские мистерии подготовили плодородную почву для воззрений, из которых, в свою очередь, возникли идеи Пифагора и Платона. Наличие подобной отправной точки для всего последующего развития мысли в Индии, по меньшей мере, можно считать вероятным. На самом деле многие формы и символы идей, обнаруживаемые нами в Упанишадах, а также многое из содержания Брахман предполагает существование в Индии периода, когда мысль развивалась в скрытой форме тайных учений, подобных греческим мистериям.

Другой пробел, оставляемый общепринятыми теориями, есть пропасть, отделяющая материальное поклонение внешним силам природы в Веде от развитой религии греков и от психологических и духовных идей, которые связаны с функциями богов в Упанишадах и Пуранах. Мы можем, на данный момент, принять теорию о том, что самая ранняя полностью осо-

знанная форма религии неизбежно – ибо человек на Земле начинает с внешнего и движется ко внутреннему – должна быть поклонением внешним Силам Природы, наделяемым сознанием и личностными качествами, которые человек обнаруживает в самом себе.

Агни в Веде – это несомненно Огонь; Сурья – Солнце, Парджанья – Дождевая туча, Уша – Заря; а если материальное происхождение или функция каких-то других богов не столь очевидны, то нетрудно сделать туманное ясным при помощи филологических предположений или изобретательных умозаключений. Но если обратиться к религии греков, которая, в соответствии с современными хронологическими представлениями, датируется не намного позднее Веды, мы сталкиваемся с существенной разницей. Материальные атрибуты богов отошли на второй план или оказались подчинены психологическим концепциям. Порывистый бог Огня обратился в хромого бога Труда; Аполлон, Солнце, управляет поэтическим и пророческим вдохновением; Афина, которую по происхождению можно с большой долей вероятности считать богиней Зари, утратила все воспоминания о своей материальной функции, став мудрой, сильной и чистой богиней Знания; есть и другие божества, боги Войны, Любви и Красоты, утратившие свои материальные функции, если они у них вообще были. Недостаточно утверждения, что перемена неизбежно должна была наступить с развитием человеческой цивилизации: сам процесс перемен тоже требует исследования и прояснения. Мы видим, как та же революция совершается в Пуранах, отчасти путем замены имен и обликов богов, но отчасти и через тот же неясный процесс, который мы наблюдаем в эволюции греческой мифологии. Река Сарасвати превращается в богиню Вдохновения и Учености; ведийские Вишну и Рудра становятся верховными Божествами, членами божественной триады, и выражают обособленно охранительные и разрушительные процессы в космосе. В Иша Упанишаде мы находим обращение к Сурье как к Богу озарения, с помощью которого мы можем постичь высочайшую истину. Таковой же была его функция в священной ведийской формуле Гаятри, которую на протяжении тысячелетий ежедневно повторяет во время молитвы каждый брахман; можно, кстати, отметить, что эта формула есть стих из Ригvedы, из гимна риши Вишвамитры. В той же Упанишаде Агни призывается как божество с чисто моральными функциями, как очиститель от зла, проводник души путем добра к божественному Блаженству; он, повидимому, отождествляется с силой воли и несет ответственность за человеческие деяния. Сома, растение, из которого производился мистический нектар для ведийских жертвоприношений, теперь становится не только Божеством луны, но еще и олицетворением разума в человеческом существе. Наличие этих эволюционных перемен предполагает некий временной промежуток, следующий за ранним материальным богопочитанием или за более высоким пантеистическим анимизмом, приписываемым Ведам, и предшествующий развитой пуранической мифологии, в которой боги наделены глубинными психологическими функциями, – промежуток или период, который вполне мог быть Веком мистерий. Однако нынешнее понимание вещей оставляет брешь, или же этот разрыв создан нашей исключительной сосредоточенностью на натуралистическом элементе религии ведийских риши.

Я полагаю, что эту пропасть создали мы сами, в действительности же в древних священных писаниях ее нет. Гипотеза, предлагаемая мной, состоит в том, что сама Ригведа есть важнейший документ, дошедший до наших дней от раннего периода человеческой мысли – меркнувшими останками которого были исторические элевзинские и орфические мистерии – периода, когда духовные и психологические знания расы, в силу трудноопределимых сейчас причин, были скрыты покровом конкретных и материальных фигур и символов, оберегающих смысл от невежд и раскрывающих его посвященным. Одним из главных принципов мистиков была сакральность и сокровенность познания себя и истинного знания богов. Мистики считали, что эта мудрость не предназначена, возможно даже опасна, для обычного человеческого разума; в любом случае, будучи открыта грубым и не очистившимся душам, мудрость может быть извращена, употреблена во зло и лишена чистоты. Поэтому они поддерживали

существование внешнего богопочитания, действенного, но несовершенного, для непосвященных, посвященным же предлагали внутреннюю дисциплину, облекая свои мысли в слова и образы, в равной мере обладавшие духовным смыслом для избранных и конкретным – для массы простых верующих. Ведийские гимны были задуманы и созданы по этому принципу. Внешне их формулы и описанные в них церемонии – это детали внешних же ритуалов, предназначенных для пантеистического поклонения Природе, что и было распространенной религией тех времен, скрытый же смысл священных слов заключал в себе действенную символику духовного опыта и знания, психологическую дисциплину самосовершенствования, бывшую тогда высочайшим достижением человеческого рода. Система ритуалов, признаваемая Саяной, может сохранять свое внешнее значение, можно принять и общие концепции натуралистического толкования, открытого европейскими исследователями, но за всем этим пребывает истинная и все еще скрытая тайна Вед – тайные слова, *nityā vacāṁsi*, изреченные для тех, кто чист в душе и пробужден в знании. Таким образом, извлечение менее очевидного, но более важного смысла посредством истолкования ведийских терминов и ведийских символов и установление психологических функций богов есть задача трудная, но необходимая, и данные главы, а также переводы, сопровождающие их, являются только подготовкой к ее решению.

Эта гипотеза, если она окажется состоятельной, даст три преимущества. Будут просто и успешно прояснены те части Упанишад, которые пока остаются непонятыми или понятыми неверно, а также прояснится многое из истоков Пуран. Будет объяснена и рационально оправдана вся древняя традиция Индии, ибо обнаружится, что, по сути дела, Веданта, Пураны, Тантры, философские школы и великие индийские религии уходят своими корнями в Веды. Мы сможем увидеть там в их изначальном источнике, в их ранних и даже примитивных формах фундаментальные концепции позднейшей индийской мысли. Таким образом, будет установлена настоящая точка отсчета для более углубленного сравнительного религиоведения индийского ареала. Вместо блуждания среди необоснованных умозаключений или необходимости разбираться в немислимых преобразованиях и необъяснимых превращениях мы получим ключ к естественному и прогрессивному развитию, удовлетворяющему требования логики. Заодно, возможно, будет пролит свет на темные места ранних культов и мифов других народов древности. Наконец, раз и навсегда будут прояснены и перестанут существовать несообразности ведийских текстов. Они только кажутся несообразностями, их подлинная связующая нить должна быть найдена в сокровенном значении. Стоит найти ее, и гимны предстают в своей органической и логической цельности, а манера выражения, хотя и чуждая нашему современному образу мышления и речи, становится – в своем собственном стиле – верной и точной, она грешит, скорее, лаконичностью, нежели избыточностью выразительных средств, скорее, смысловой перегруженностью, нежели обделенностью. Веда перестает быть просто интересным пережитком варварства, а занимает свое место в ряду наиболее значимых ранних Священных Писаний мира.

Основы психологической теории

Гипотезы о смысле Веды, для того чтобы считаться резонными и обоснованными, должны всегда исходить из основания, несомненно заложенного в самом языке Веды. Даже если большую часть содержания составляют образы и символы, значение которых предстоит раскрыть, все же в языке гимнов должно быть достаточное количество ясных указаний, которые и приведут нас к истинному смыслу. В противном случае, учитывая неоднозначность символов, можно опасаться, что мы создадим некую систему на основе собственных предположений и предпочтений, вместо того чтобы раскрыть подлинное назначение образов, избранных древними риши. Тогда, какой бы искусной и совершенной ни была бы наша теория, она будет скорее всего воздушным замком, блистательным, но лишенным реальности и прочности.

Таким образом, наш первейший долг заключается в том, чтобы определить, содержится ли в самом языке гимнов – не беря в расчет образы и символы – достаточное ядро психологических понятий, которое оправдало бы наше предположение о наличии в Ведах вообще чего-то более высокого, нежели примитивный смысл эпохи дикарей. После этого мы должны найти, по возможности на основе внутренних свидетельств самих гимнов, истолкование каждого символа и образа, а также правильную психологическую функцию каждого из богов. Для любого фиксированного ведийского термина должен быть найден определенный, а не относительный смысл, опирающийся на прочную филологическую почву и естественно согласующийся с тем контекстом, в котором он встречается. Как уже упоминалось, язык гимнов – это язык фиксированный и устойчивый; это бережно сохраненный и трепетно почитаемый слог, соответственно выражающий либо формальный символ веры и обряд, либо традиционную доктрину и неизменный опыт. Если бы язык ведийских риши был свободен и непостоянен, если бы их идеи очевидно находились в стадии становления, были изменчивы и неопределенны, то вольность ради удобства, какую мы допускаем по отношению к их терминологии, и непоследовательность смысла, какую мы обнаруживаем в их идеях и способах их выражения, можно было бы оправдать или допустить. Однако сами гимны служат доказательством обратного, поэтому мы вправе требовать от их интерпретатора той же точности и скрупулезности, какая обнаруживается в толкуемом им материале. Без сомнения, существует постоянная связь между различными понятиями и излюбленными терминами ведийской религии; непоследовательность и неопределенность интерпретации докажут нам не обманчивость свидетельств, находимых в Веде, а только неспособность интерпретатора установить верные связи.

Если по тщательному и скрупулезному завершению первичной работы из перевода гимнов станет ясно, что найденные нами истолкования естественно и легко согласуются с контекстом; если в результате проясняется то, что казалось туманным, и на месте бывшего хаоса возникает ясность и последовательность; если гимны в их цельности обнаруживают ясный и связный смысл и, стих за стихом, демонстрируют логическую преемственность мысли, а в конечном счете, перед нами предстает глубокая, последовательная структура древних доктрин, – тогда наша гипотеза получает право занять свое место наряду с другими, даже не соглашаясь с ними, если те ей противоречат, или дополнять их в случае, когда они согласуются. Правдоподобность нашей гипотезы не умалится, скорее даже подтвердится ее верность, если обнаружится, что основная часть идей и доктрин, таким образом раскрытая в Веде, окажется древней формой позднейшей индийской мысли и религиозного опыта, естественным истоком Веданты и Пуран.

Работа столь значительная и тщательная выходит за рамки этих кратких и общих глав. Их цель лишь в том, чтобы указать тем, кто пожелает довериться путеводной нити, которую я сам получил в свои руки, направление движения и основные повороты на пути, – достигнутые мной результаты и главные указания самой Веды, помогающие к ним прийти. Мне представляется правильным сначала объяснить зарождение этой теории в моем собственном уме, чтобы

читатель смог лучше понять избранную мной линию или, при желании, смог бы проверить те предубеждения или личные предпочтения, которые, возможно, повлияли на меня или сказались на правильности моих рассуждений по этому трудному вопросу.

Как большинство образованных индийцев, я, еще не приступив к чтению Вед, заранее принял на веру заключения европейских ученых, касающиеся как религиозной, так и исторической и этнической стороны древних гимнов. Соответственно, опять-таки следуя обычной линии, принятой в современных воззрениях индуизма, я считал Упанишады древнейшим источником индийской мысли и религии, настоящей Ведой, первой Книгой Знания. Ригведа в современных переводах – все, что я знал на тот момент об этом глубоком Писании – представлялась мне важным свидетельством нашей национальной истории, но не имеющим большого значения или ценности для истории мысли или живого духовного опыта.

Мое первое соприкосновение с ведийской мыслью произошло опосредовано – в то время, когда я следовал определенным направлениям саморазвития в традиции индийской йоги, даже не подозревая, что это спонтанно приведет меня к древним и сейчас редко используемым путям, которыми шли наши праотцы. В моем уме в ту пору начало выстраиваться соотношение символических имен с определенными психологическими переживаниями, которые становились все отчетливее; среди них выделялись образы трех женских энергий – Ила, Сарасвати, Сарамы, представляющие соответственно три из четырех качеств интуитивного разума: озарение, вдохновение и интуицию. Два имени ассоциировались для меня не столько с ведийскими богинями, сколько с верованиями современного индуизма или с древними легендами из Пуран: Сарасвати, богиня учености, и Ила, праматерь лунной династии. Зато имя Сарамы мне было хорошо знакомо по Ведам. Правда, я не мог установить связь между фигурой, пришедшей мне на ум, и небесной гончей Вед, которая ассоциировалась в моей памяти с Еленой из Аргона и представляла собой лишь образ физической Зари, в поисках исчезнувших стад Света вступившей в пещеру Сил тьмы. Как только найден ключ, ключ физического Света, отражающий субъективное, то легко увидеть, что небесная гончая может означать интуицию, вступающую в темные пещеры подсознания, чтобы подготовить освобождение и вспышку ярких озарений знания, которые были заперты в них. Но ключа у меня не было, и я был вынужден предполагать тождество имени без тождества символа.

Пребывание в южной Индии впервые серьезно обратило мои мысли к Ведам. Два наблюдения, которые вторглись в мой ум, нанесли серьезный удар по моему заимствованному представлению о расовом различии ариев севера и дравидов юга Индии. Основой этого различия для меня всегда была предполагаемая разница между физическим типом ария и дравиды и более определенное несоответствие языков севера, происходящих от санскрита, и не-санскритских языков юга. В действительности, я был знаком с новейшими теориями, согласно которым Индийский субконтинент населен единой гомогенной расой – дравидийской или индо-афганской, но до приезда на юг не слишком обращал внимание на эти рассуждения. Однако, пробыв недолгое время на юге, я изумился большой распространенности северного или «арийского» типа среди тамильского населения. Куда бы я ни глянул, я с поразительной отчетливостью узнавал не только среди брахманов, но и среди людей всех каст и классов давно знакомые мне лица, черты, фигуры моих друзей из Махараштры, Гуджарата, Хиндустана, даже из моей родной Бенгалии, хотя таких было меньше. У меня создалось впечатление, будто армия, составленная из всех северных племен, вторглась на юг и поглотила ранее жившую тут популяцию. Сохранялось некое общее представление о типе южанина, но, рассматривая отдельные лица, было невозможно выделить этот тип. Единственное, что я в конечном счете сумел понять, – какая бы новая кровь ни примешивалась, какие бы региональные различия ни формирова-

лись, за всем этим разнообразием сохраняется по всей Индии единство, как физического, так и культурного типа²²

---

²² Я предпочитаю не пользоваться термином «раса», ибо понятие это куда более расплывчато и трудно определимо, чем обыкновенно считают. Четкие различия, укорененные сейчас в массовом сознании, совершенно неуместны при его использовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.